

МАНЬЧЖОУ ГО (1931-1945): «МАРИОНЕТОЧНОЕ» ГОСУДАРСТВО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Создание на протяжении XIX в. межнационального сообщества и проникновение иностранного капитала в Маньчжурию или «три восточные провинции», как издавна называли эту территорию китайцы, превратили ее в объект политических взаимоотношений иностранных государств. Российское правительство, заключив в 1896 г. договор о военном союзе с Китаем и подписав контракт о постройке через Северную Маньчжурию Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), закрепило за собой часть территории Маньчжурии Порт-Артур и Дальний (Дайрен), а после подавления восстания Ихэтуань в Пекине в 1900 г. получило возможность утвердить Северный Китай в качестве сферы своего влияния. Симоносекский мирный договор 1895 г., завершивший неудачную для Китая войну с Японией и обозначивший вступление Японии в международное сообщество на правах равного члена, открыл дорогу в страну японскому политическому и экономическому влиянию. Столкновение русско-японских интересов в регионе привело к русско-японской войне (1904-1905 гг.), в результате которой Южная Маньчжурия со всеми «правами» и «интересами» России, то есть аренда Квантуна, южная ветвь КВЖД от Дайрена до Чанчуня и предприятия российского производства, перешли к японцам. В июне 1905 г. была создана полугосударственная компания Южно-Маньчжурской железной дороги (Мантэцу), которая стала собственницей дайренского порта, ряда рудников, шахт, промышленных предприятий, земельных и лесных угодий. Благодаря ее деятельности японский капитал занял господствующее положение в Южной Маньчжурии, главным внешнеторговым партнером которой стала Япония.

С самого окончания русско-японской войны требования «национальной обороны» и экономические интересы создавали убеждение, что у Японии имеются чрезвычайно важные особые права и интересы в Маньчжурии. Характер «позитивной» политики, предполагавшей возобновление открытой колониальной экспансии в Китае, был выявлен заявлением ее представителя Танака Гаити, в котором говорилось, что «если в Маньчжурии или в Монголии начнутся беспорядки и в результате будет нарушен мир и порядок, каковое обстоятельство может грозить нашему особому положению и нашим правам и интересам в этих областях», Япония «станет защищать их, независимо от того, откуда исходит угроза»¹.

Ситуация в Маньчжурии значительно усугубилась для Японии зимой 1928 г., когда 29 декабря 1928 г. Чжан Сюэлян провозгласил присоединение трех восточных провинций к нанкинскому правительству. И хотя политическое влияние Гоминдана в Северо-восточном Китае было невелико, Гоминдан вел усилен-

¹ Цит по: История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай 1917-1949 гг. – Владивосток, 1989. – С. 43.

ную агитацию против иностранных держав, особенно Японии. Была создана Народная дипломатическая ассоциация на базе Северо-восточного университета с привлечением ученых, которая подвергала резкой критике действия ЮМЖД, накаляя антияпонские настроения среди населения. Среди японцев, проживающих в Маньчжурии, также высказывалось недовольство армией, в частности поведением штаба Квантунской армии, который подозревался в "корыстном искажении сведений о реальном положении и умышленном ухудшении японо-китайских отношений". Выступая перед прибывшей группой инспекторов для инспекции частей Квантунской армии, полковник штаба Квантунской армии С. Итагаки в марте 1931 г. заявил: "Размышляя над решением монголо-маньчжурской проблемы и анализируя действие Китайской стороны, остается лишь констатировать, что проблему решить мирным дипломатическим путем невозможно"². Иначе говоря, руководство Квантунской армии в лице Итагаки и Исивара уже в марте пришли к выводу, что маньчжуро-монгольская проблема может быть решена только подчинив эти территории Японии.

В 1929 г. Квантунская армия учредила исследовательскую группу для выработки наиболее подходящего метода управления оккупированным Северо-востоком, результатом работы которой стал документ «Доклад по вопросу управления оккупированной Маньчжурией». В нем предлагалось создать находящееся под контролем Японии центральное военное правительство, в котором должны были быть представлены чиновники из местного самоуправления. Этот принцип был подтвержден в двух последующих документах, изданных Квантунской армией: «Основная политика урегулирования маньчжурского вопроса» (24 октября 1931 г.) и «Проект общих принципов, касающихся учреждения монголо-маньчжурского свободного государства» (7 ноября 1931 г.). Оба документа подчеркивали важность сохранения существующих структур самоуправления. В частности, в последнем документе говорилось: «китайцы – это народ с чувством собственного достоинства, поэтому, если бы стало очевидно, что они подчинены японскому руководству, их власть была бы не эффективной»³.

Международная обстановка способствовала планам Квантунской армии. В Китае шла внутренняя война, Пекинское правительство противостояло Южному правительству, Пэйянская военная группировка – Южному революционному правительству. В Маньчжурии действовали группы, стремящиеся восстановить Цинскую династию, борющиеся за сохранение границ и спокойствия в их пределе, за независимость Монголии и другие.

Оккупации Маньчжурии в сентябре 1931 г. предшествовала серия методично осуществленных японской армией «инцидентов». Самая крупная японская провокация, получившая название Маньчжурского инцидента, произошла 18 сентября 1931 г. В соответствии с заранее разработанным планом японские войска, расположенные в зоне ЮМЖД двинулись вглубь китайской территории и оккупировали Мукден. В течение 5 дней японский гарнизон, не встретив значительного сопротивления китайской армии, занял

² Усуй Кацуми. Мансю Дзихэн (Маньчжурский инцидент). Токио: Тюокоронся, 1997. – С. 19.

³ Цит. по: Mitter R. The Manchurian Myth: Nationalism, Resistance and Collaboration in Modern China. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2000. – P. 82.

основные города в районе ЮМЖД: Аньдун, Мукден, Чанчунь, Фушунь, станцию Куанчэнцзы, Гирин. Учитывая то, что с помощью силы предотвратить оккупацию не было возможным, Чан Кайши отдал приказ Чжан Сюэняну проводить политику «несопротивления» японской армии. 21 сентября китайское правительство обратилось в Лигу Наций с надеждой на то, что она вынесет решение в пользу Китая, и с помощью международного давления будет возможным вытеснить японские войска из Маньчжурии.

В послании, переданном в Лигу Наций в Женеве, китайское правительство, ссылаясь на ст. 11 Устава Лиги⁴, призывало обратить внимание на конфликт между Китаем и Японией и принять меры для предупреждения эскалации конфликта и восстановления статуса-кво. На следующий день Лига направила Японии и Китаю одинаковые телеграммы с предложением приложить усилия для ограничения масштабов инцидента и немедленно отозвать войска обоих государств.

Японская оккупация стала первой серьезной проверкой для системы коллективной безопасности, ради которой была создана Лига Наций. Соединенные Штаты не входили в Лигу, а Англия и Франция – государства, занимающие наиболее прочные позиции в организации, не стремились к применению силы, в особенности в Восточной Азии. Англия была заинтересована в сохранении дружественных отношений с Японией, которая еще номинально являлась союзной державой. Одновременно британская дипломатия проводила политику, направленную на поддержание дружественных отношений и с Чан Кайши, что в целом вызывало затруднения. В любом случае, в 1931 г. государства полагали, что право находится на стороне Японии. Джон Саймон, министр иностранных дел Великобритании известил Кабинет о том, что Япония имеет право посылать войска в Китай. Генри Стимсон, государственный секретарь США, выразил недовольство действиями Японии, тем не менее, политический курс США был направлен на поддержание дипломатического равновесия в начале 1930-х гг⁵.

СССР хотя официально и осудил японскую оккупацию Южной Маньчжурии, но советское правительство не желало обострять конфликт и прибегать к открытому противостоянию до тех пор, пока японская армия находилась за пределами зоны КВЖД. Одновременно советские консулы в Маньчжурии получили инструкции выражать доброжелательность по отношению к Китаю, чтобы не препятствовать развитию торговых отношений.

Основной вопрос, который стоял перед штабом Квантунской армии – это придание законности империалистической экспансии. В одном из меморандумов Квантунской армии говорилось: «Хотя ни договор девяти держав, ни Устав Лиги не позволяют Японии прибегать к открытым действиям, имеющими целью отделение Маньчжурии от Китая, эти договоры не должны препятствовать дезинтеграции государства, если таковой является воля китайского народа»⁶. Таким об-

---

⁴ В статье 11 Устава Лиги Наций говорится, что «всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или нет кого-либо из членов Лиги, интересуется Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир наций».

⁵ Mitter R. The Manchurian Myth. – P. 5.

⁶ Цит. по: The Japanese Wartime Empire, 1931 – 1945. – Princeton: Princeton University Press, 1996. – С. XX.

разом, в основу создания будущего «государства» была положена идея «народной воли», что повлекло за собой организацию структур, нацеленных на формирование национальной идентичности нового государства.

29 февраля 1932 г. по указанию четвертого отдела штаба Квантунской армии в Мукдене собрался Всеманьчжурский объединенный съезд по созданию государства. На нем было принято решение о создании на территории Маньчжоу Го и назначении Пу И его верховным правителем. Государственным флагом Маньчжоу Го был избран штандарт Цинской Империи (желтое поле с красной, голубой, белой и черной полосами), эра правления получила название Датун (великое благоденствие), столицей государства стал г. Чанчунь, переименованный в Синьцзин (новая столица).

1 марта 1932 г., выполняя директиву руководства Квантунской армии, Северо-восточный административный комитет опубликовал «Декларацию об образовании Маньчжоу Го», в которой говорилось: «Маньчжурия в старое время представляло отдельное государство. При теперешней обстановке волею 30 миллионов людей мы заявляем об окончательном отделении от Китайской республики и создании нового государства Маньчжоу Го. Цель создания государства – благоденствие народа. В отношении жителей на территории Маньчжоу Го не делается никаких различий между народностями, то есть представители не только ханьской, маньчжурской, монгольской, японской и корейской, но и других народностей могут пользоваться равными привилегиями». 16 января 1931 г. японское правительство направило Лиге Наций ноту, в которой заявляло, что «все изменения, которые произошли в составе маньчжурской администрации, являются результатом действий местного населения»⁷. На самом деле, создание нового государства не сопровождалось формой народного утверждения, каковой является референдум.

9 марта 1932 г. состоялась церемония вступления Пу И в должность «Верховного правителя», и в тот же день были опубликованы законы об организации органов государственного управления. Японское правительство попыталось поставить нации перед совершившимся фактом: 12 марта 1932 г. правительство Пу И направило телеграммы идентичного содержания 17 государствам, которые имели консульских чиновников в Маньчжурии (Англии, США, Франции, Японии, Германии, СССР, Австрии, Бельгии, Дании, Эстонии, Италии, Латвии, Литве, Голландии, Польше, Португалии и Чехословакии), и правительствам примерно 35 других стран, в которой оно извещало их об образовании независимого государства Маньчжоу Го и брало на себя обязательства «вести дела согласно принципам честности и доверия в духе гармонии и дружбы», «поддерживать и развивать международный мир», «уважать международную справедливость», «принять на себя все лежащие обязательства, которые вытекают для Китая из договорных постановлений с иностранными государствами», «соблюдать принцип открытых дверей». В телеграмме правительство выражало серьезные желания установить формальные дипломатические отношения между адресатами ноты и Маньчжоу Го⁸.

⁷ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии 1932 – 1945. – М.: Наука, 1990. – С. 115.

⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XV. – С. 753.

15 сентября в г. Чанчуне был подписан договор о признании Японией нового государства Маньчжоу Го. В статье 2 протокола говорилось, что «всякая угроза территориальным интересам или общественному порядку одной из договаривающихся сторон будет рассматриваться как одновременная угроза территориальным интересам и общественному порядку другой договаривающейся стороны», при этом стороны пришли к соглашению, что в целях обеспечения обороны и защиты страны необходимо, чтобы союзные войска японской армии находились на территории Маньчжурии⁹. Тем самым, договор санкционировал размещение союзных войск японской армии на территории Северного Китая.

Лига Наций, хотя в целом и согласилась с доводами Японии об особом положении в Маньчжурии, но для вынесения окончательного решения направила туда комиссию международных наблюдателей во главе с Литтоном. Осенью 1932 г. комиссия представила Совету Лиги наций доклад, в котором устанавливалось, что японцы «имели точно составленный план поведения на случай возможных военных действий между ними и китайцами». В то же время комиссия подтверждала, что китайские войска не имели намерения нападать на японцев и не угрожали жизни и имуществу японских подданных. В докладе говорилось, что Маньчжоу Го не может рассматриваться как результат самопроизвольного и подлинного движения за независимость и что нации, состоявшие членами Лиги, «принимая настоящий доклад..., будут продолжать не признавать этот режим (Маньчжоу Го) ни де юре ни де факто».

Весной-летом 1932 г. в японском парламенте проходили дискуссии вокруг вопроса об управлении Маньчжоу Го. Согласно принятому проекту, лицо, занимаемое должность командующего Квантунской армией одновременно назначалось на пост чрезвычайного и полномочного посла в Маньчжоу Го, в задачи которого входило осуществление руководства как внутренней, так и внешней политикой молодого государства. Первым послом был назначен командующий Квантунской армией Муто Нобуеси. В Синьцзине открылось японское посольство, а в регионе – 5 генеральных консульств (в Синьцзине, Мукдене, Харбине, Гирине, Хулудао), и также 8 консульств. В самой Японии были учреждены дипломатические представительства Маньчжоу Го.

1 марта 1934 г. Маньчжоу Го было официально провозглашено монархией во главе с Пу И. В 13 статьях Закона об организации империи Маньчжоу Го перечислялись многочисленные полномочия «императора», которому формально как главе конституционной монархии предоставлялась неограниченная верховная власть. Он имел право утверждать законы и требовать их исполнения. В особых случаях ему разрешалось, минуя законодательную палату, издавать указы, касающиеся поддержания общественного спокойствия, а также борьбы с последствиями стихийных бедствий. Император наделялся функциями главнокомандующего сухопутными, морскими и воздушными силами. Формально он обладал правом объявлять войну и заключать мир, подписывать международные договоры. Позднее Пу И на судебном заседании Международного военного трибунала в Токио заявил:

---

⁹ Айсинь Гиоро Пу И. Первая половина моей жизни: воспоминания Пу И – последнего императора Китая. – С. 346.

«Все эти права и вся эта власть, установленные законами, существовали только на бумаге. Фактически император не имел никаких прав и никакой власти»¹⁰. На посты министров, губернаторов провинций или начальников различных ведомств хотя для поддержания фикции независимости Маньчжоу Го и назначались китайцы, но при каждом из них заместителем был японец, который и решал за него наиболее важные вопросы. Таким образом, при создавшемся положении все нити власти были сконцентрированы в руках японских правительственных кругов.

В вопросе дипломатического признания Маньчжоу Го Япония значительного успеха не добилась. Лига Наций, отрицая законность образования государства, обратилась ко всем членам Лиги с требованием не признавать де-юре это государство. Соединенные Штаты Америки, следуя в вопросе дипломатического признания доктрине Стимсона¹¹, также не признали Маньчжоу Го.

Первыми государствами (после Японии), признавшими Маньчжоу Го были Сальвадор (3 марта 1934 г.) и Ватикан (что объяснялось задачей распространения католицизма на территории страны (апрель 1934 г.). Затем Маньчжоу Го признали де-юре союзники Японии по «антикоминтерновскому пакту». 1 ноября 1937 г. режим в Маньчжурии был признан Италией. Несмотря на существование торговых связей с Маньчжурией, гитлеровская Германия в течение длительного времени воздерживалась от признания прояпонского режима в этом регионе. Как заявил министр иностранных дел Германии Нейрат, его правительство не собиралось «делать Японии подарок, не получив что-нибудь взамен». Лишь 20 февраля 1938 г. последовало признание Маньчжоу Го Германией. После установлений дипломатических отношений в Синьцзине открылись новые посольства: немецкое и итальянское; послом в Маньчжоу Го Германия назначила Вагнера, Италия – Нейроне. Через г. после признания Маньчжоу Го Германией, 24 февраля 1939 г. правительство Маньчжоу Го, следуя указанию Токио, присоединилось к «антикоминтерновскому пакту».

2 декабря 1938 г., через 24 часа после того, как Япония официально признала режим Франко в Испании, дипломатические отношения с Маньчжоу Го установило и франкистское правительство Испании. В декабре 1938 г. также был подписан договор о дипломатическом признании Маньчжоу Го Польшей, но оккупация Польши Германией прервала его действие.

Характерно, что иностранные государства, хотя и отклоняли обращение правительства Маньчжоу Го о признании его де-юре, фактически продолжали сохранять свои консульские учреждения на территории непризнанного государства под предлогом охраны жизни и собственности своих граждан, проживающих на его территории. Так, британские генеральные консульства продолжали функционировать в Мукдене, Харбине и Дайрене, американское генеральное консульство – в Дайрене, французские консульства – в Мундене и Дайрене. Консульствам иностранных государств в Маньчжоу Го было предписано ограничиться делами, связанными с охраной жизни и собственности находящихся здесь граждан их стран.

¹⁰ Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. – С. 212.

¹¹ США отказываются от признания любых территориальных изменений, достигнутых с помощью силы и вызванных нарушением международных обязательств.

Если не считать Японию, то для Маньчжоу Го важное значение имели внешние отношения с Китайской республикой и с СССР. Гоминдановское правительство категорически отрицало Маньчжоу Го и не имело с ним никаких официальных и непосредственных дипломатических контактов, используя перед его названием приставку «уэй», что означает «несуществующий». Однако Маньчжоу Го установило и поддерживало дипломатические контакты с «центральным правительством Китая», которое было создано на оккупируемой Японией территории Китайской республики. Между государствами был произведен обмен торговыми представительствами и установлены дипломатические отношения на уровне послов.

Де-факто Маньчжоу Го признал СССР. Тем самым советская дипломатия надеялась обеспечить сохранность государственного имущества дороги и безопасность советских граждан, добиться разрешения вопросов, касающихся установления бесперебойного судоходства по пограничным рекам, кроме того, по территории Маньчжоу Го проходила КВЖД. Этим и другими причинами было продиктовано решение советского правительства сохранить советские консульства в Маньчжурии. Оно согласилось и на открытие консульств Маньчжоу Го в сентябре 1932 г. в Благовещенске и в феврале 1933 г. в Чите. Подобные меры не означали признание Маньчжоу Го де-юре. Когда в 1934 г. японское правительство и власти Маньчжоу Го предложили обменяться послами между Маньчжоу Го и СССР, Советский Союз отверг это предложение.

СССР рассматривал угрозу безопасности в японской экспансии в Маньчжурию, но стремился избегать конфликтов, что, в частности, проявилось в невмешательстве в Маньчжурский инцидент. Во избежание возникновения конфликтов на Дальнем Востоке СССР предложил заключить с Японией договор о ненападении. Предполагается, что Л.М. Карахан, заместитель наркома иностранных дел, был готов одновременно с Японией заключить договор о ненападении с Маньчжоу Го, однако со стороны Японии реакции не последовало, и СССР направил усилия на улучшение отношений с Европейскими странами. Были приняты меры по урегулированию дипломатических отношений с Китайской республикой – в декабре 1932 г. состоялось «Соглашение по восстановлению Китайско-Советских межгосударственных связей»¹². В то же время прокладывалась вторая линия Транссибирской железной дороги, Владивосток переоборудовался в военный порт, и принимались меры по повышению оборонного потенциала Дальнего Востока. Можно предположить, что политический курс, направленный на уход от конфликта с Японией, изменился в 1932 г..

К весне 1933 г. положение на КВЖД ухудшилось из-за провокационных действий маньчжурских и японских властей, а также местных бандитских формирований хунхузов и русских белогвардейцев. 2 мая 1933 г. во время беседы наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Ота были подвергнуты обсуждению возможные способы разрешения военных конфликтов, причем в качестве одним из радикальных способов упоминался вопрос о продаже КВЖД Маньчжоу Го. 26 июня 1933 г. в Токио от-

¹² Цукасэ Сусуму. Мансюоку: «Минзоку кева» но дзицзю (Маньчжоу Го: реальность «Содружества народов»). – Токио: Кавайсебу, 1998. – С. 148.

крылась советско-маньчжурская конференция по вопросу продажи КВЖД при участии японских наблюдателей. Еще 29 мая 1933 г. Япония направила СССР официальное сообщение о том, что оно готово взять на себя посредничество и содействие в переговорах между СССР и Маньчжоу Го относительно продажи КВЖД. Официально же переговоры проходили с представителями Маньчжурской стороны.

Обе делегации представили свои документы, в которых излагались принципы выкупа КВЖД. Советская сторона предложила выкупную сумму в 250 млн. руб., причем в целях стимулирования развития экономических связей с Японией, 125 млн. соглашалось получить товарами. Также в меморандуме советской делегации содержался пункт о подписании специального соглашения для сохранения экономических связей, существующих между СССР и Маньчжоу Го. Делегация Маньчжоу Го в качестве выкупной суммы предложила 50 млн. иен (1 руб. = 1,04 иены). Кроме того, условия договора предполагали сохранение за СССР долговых обязательств Северо-маньчжурской железной дороги (КВЖД) по отношению к третьей стороне, а равно все претензии любой третьей стороны, связанной с уступкой дороги.

Не согласившись на условия советской делегации, маньчжурские представители покинули конференцию. Маньчжоу Го попыталось возложить на СССР ответственность за фактический перерыв переговоров. Одновременно была развернута антисоветская кампания: возобновились массовые аресты работников КВЖД, пограничные инциденты, провокации на железной дороге, налеты на советские консульства и т.д. Маньчжурская сторона следовала формуле: если значительно сниженная цена, которую предложит СССР, приблизится к цене, которую укажет Маньчжоу Го, то вопрос о цене разрешится и разрешатся переговоры. Исходя из своего стремления устранить источник возможных конфликтов, Советское правительство пошло на значительную уступку в цене.

Итогом переговоров, длившихся с перерывом два с половиной года, стало подписанное 23 марта 1935 г. соглашение о продаже КВЖД Маньчжоу Го. Согласно соглашению, СССР уступил все принадлежащие ему права на КВЖД маньчжурскому правительству за 140 млн. иен. Японское правительство выступало гарантом финансовых обязательств Маньчжоу Го в связи со сделкой по дороге.

Интересно отметить тот факт, что в своей речи министр иностранных дел Хирота и посланник Маньчжоу Го в Японии заявляли, что «подписанием данного соглашения взаимоотношения между СССР и Маньчжоу Го вступают в новую эру, становясь более дружественными и тем самым проясняя горизонт в Восточной Азии». Советская же сторона выразила лишь надежду на улучшение советско-японских отношений. В заявлении М. Литвинова говорилось, что «соглашение о КВЖД должно рассматриваться как разрешение одной из важнейших дальневосточных проблем и в то же время как крупнейшее положительное событие в развитии советско-японских отношений»¹³. Тем самым, советская сторона подчеркнула важность устране-

---

¹³ Внешняя политика СССР. Сб. документов. Составитель А.С. Тисминец. Т.4. М., 1944-1947. – С. 15.

ния источника конфликта именно с Японией, которая выступала гарантом соглашения, а кроме того, играла значительную роль в политике Маньчжоу Го, выступавшем только формальной стороной договора.

Советско-маньчжурские отношения были нестабильными и отмечены крайней враждебностью со стороны Маньчжоу Го, постоянно происходившими провокациями в зоне КВЖД и на границе, несоблюдением вытекавших из договоров международных обязательств. В решениях наиболее важных вопросов между СССР и Маньчжоу Го Япония выступала посредником, и СССР рассматривал ее как предпочтительного партнера для переговоров, возлагая на нее ответственность за исполнение соглашений. Провокационные же действия на границе и в зоне КВЖД поощрялись правительством Маньчжоу Го, носили самостоятельный характер и не были санкционированы правительством в Токио. В основном они проводились с целью оказания давления на переговоры о продаже КВЖД и отвлечения советских войск от монголо-маньчжурского конфликта. В подобных случаях японское правительство заявляло, что оно не имеет отношения к незаконным действиям маньчжурских властей и предоставляет СССР возможность самому разрешить спорные вопросы. Договориться о компромиссе напрямую, однако, было практически невозможно.

Оккупация японскими войсками Маньчжурии значительно ухудшила стратегическую обстановку и для Монгольской Народной Республики. Китай не признавал независимости Внешней Монголии — МНР и считал ее частью своей территории. Не признавала монгольской независимости и Япония. Идея Токио заключалась в объединении МНР с китайскими провинциями Внутренней Монголии в еще одно марионеточное государство “Монголо Го” по образцу Маньчжоу Го. Конечной целью этих трансформаций виделось образование единой “маньчжуро-монгольской империи”, т.е. возвращение Внешней Монголии под власть маньчжурских правителей, как это было с конца XVIII до начала XX в.. Это новое образование должно было стать новым материковым владением Японии.

Точной границы между МНР и Маньчжоу Го фактически не существовало. Вместо нее была пограничная зона шириной от нескольких десятков до сотни километров без каких-либо опознавательных знаков. Исторически эта территория не была спорной, по ней столетиями кочевали восточные монголы, баргуты и другие местные племена, которые вообще не признавали границ между странами, поэтому вместе со своим скотом совершенно неосознанно оказывались на территории соседнего государства. В условиях нараставшей напряженности, в связи с японской агрессией в Китае, пограничная зона превратилась в место постоянных столкновений между монгольскими и маньчжурскими отрядами, причем процесс этот был обоюдным и установить изначальную виновность той или иной стороны было почти невозможно.

Новые политические реалии – агрессия Японии, образование Маньчжоу Го – заставили монгольское руководство искать оптимальный вариант развития своей внешнеполитической стратегии. МНР объективно не могла идти на союз с Маньчжоу Го, во-первых, из-за японской опасности, во-вторых, по причинам идеологического характера, разделявшим оба государства. В сложившихся условиях наиболее реальной политикой для сохране-

ния государственности и для поддержания национальной безопасности было дальнейшее военно-политическое и экономическое сближение с СССР. 27 ноября 1934 г. стороны договорились о заключении джентльменского соглашения, предусматривавшего в случае нападения на одну из договаривавшихся сторон поддержку и оказание помощи, в том числе и военной. Выполняя это соглашение, советская сторона оказывала также политико-дипломатическую поддержку МНР.

В январе 1935 г. взаимоотношения МНР и Маньчжоу Го получили новый импульс – маньчжурская дипломатия предложила Улан-Батору обсудить проблему спорных территорий на специальной встрече уполномоченных двух государств. Одновременно власти Маньчжоу Го поставили вопрос об установлении официальных дипломатических отношений и обмене представителями. Маньчжурская сторона настаивала на назначении в «удобные для себя пункты» на территории МНР трех постоянных уполномоченных, но Монгольское правительство отклонило это требование, заявив, что оно «противоречит суверенитету и независимости МНР»¹⁴. Вследствие отказа японо-маньчжурской стороны продолжать переговоры в ноябре 1935 г. конференция была закрыта.

В условиях усиливавшихся пограничных конфликтов между монгольскими и японо-маньчжурскими погранотрядами в марте 1936 г. в Улан-Баторе был подписан советско-монгольский протокол о взаимной помощи. Стороны обязались в случае угрозы нападения немедленно принять необходимые оборонительные меры, а в случае нападения оказать друг другу всестороннюю, в том числе военную помощь.

В пограничном споре и маньчжурская, и монгольская стороны имели свои картографические версии – монгольская ссылалась на древние китайские карты, а маньчжурская – на более поздние цинские карты, однако полной ясности в этом вопросе ни в Москве, ни в Улан-Баторе, ни в Токио не было. Руководство НКВД и генеральный штаб РККА оперировали двумя основными картами монголо-маньчжурской границы: картой генштаба российской армии 1906 г. и советским вариантом этой же версии, изданным в январе 1934 г. Управлением Военной Топографии РККА. В последнем варианте граница между МНР и Маньчжоу Го нанесена по условной линии: Ара-Дулайн – Модон – Тембек – через гору Дархан-Ула на Улан-Удук – Халхинсумэ и далее северней реки Халхин-Гол. В 1936 г. Генштаб отправил экземпляр карты в Улан-Батор правительству МНР, которое нанесло на свои карты ориентиры согласно советской версии. В Генштабе имелась еще одна карта издания 1933 г., по которой граница проходила уже непосредственно по реке Халхин-Гол, но эта карта была вспомогательным и запасным вариантом. Таким образом, полной и объективной картины о монголо-маньчжурской границе на 1937 г. не было¹⁵.

В апреле 1939 г. командующий Квантунской армии генерал К. Уэда отдал приказ № 1488 о действиях войск в пограничной зоне – «Принципы

¹⁴ Внешняя политика СССР. Т. 4. – С. 560.

¹⁵ Цит. по: Лузянин С.Г. Дипломатическая история событий на Халхин-Голе 1932 –1939 гг.//Новая и новейшая история, 2001. – №2. – С. 48.

разрешения пограничных конфликтов между Маньчжоу Го и СССР». Согласно этому приказу, командиры воинских частей и даже их подразделений Квантунской армии должны были сами «в случаях, если граница не ясна» (четвертый параграф принципов) определять в местах своей дислокации, где проходит государственная граница.

Следующей фазой стал непосредственно монголо-японский вооруженный конфликт, который развивался с 1932 г. с взаимными вторжениями и на территорию МНР, и на территорию Маньчжоу Го. Военные действия на Халхин-Голе, происходившие с середины мая до 16 сентября 1939 г. закончились полным поражением японо-маньчжурской стороны. Была созвана смешанная комиссия из представителей советско-монгольской и японо-маньчжоугоской делегаций, которая имела цель установить точную границу между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу Го в районе конфликта летом 1939 г. на основании соответствующих авторитетных официальных документов. Компромиссное решение было достигнуто в июне 1940 г. 9 июня между Японией и СССР было подписано соглашение, по которому граница должна была проходить от северного берега оз. Буир-Нур до Мухор-Обо по условной прямой линии, затем, пересекая р. Уршин-Гол должна была пролегать к северо-востоку через Бухын Тологой (курган), далее вверх по р. Нумургин-Гол до указанной точки и затем на юго-восток до высоты с отметкой 1075. Нанесение пограничной линии подлежало исполнению правительствами МНР и Маньчжоу Го после подписания соглашения между этими правительствами.

В августе смешанная комиссия, созданная на основании соглашения Молотов-Того от 9 июня из уполномоченных МНР и Маньчжоу Го, провела шесть заседаний, во время которых были выработаны инструкции по работе на местности. По взаимному согласию делимитация границы была назначена на июнь 1941 г.

Оккупация Маньчжурии и создание на ее территории марионеточного государства Маньчжоу Го стали важными шагами в укреплении стратегических позиций Японии на азиатском материке. К 1938 г. под контролем Японии оказалась большая часть промышленно развитых районов Китая. В этой ситуации 3 ноября 1938 г. правительство Коноэ опубликовало официальное заявление, подписанное императором, в котором говорилось, что на данном этапе задачей Японии является установление «нового порядка в Восточной Азии». Япония стремилась распространить на весь Китай форму осуществления своего господства, найденную в процессе создания Маньчжоу Го и успешно применяемую на практике. Это означало попытку установить японскую экономическую и политическую гегемонию во всем Китае и потребовать признания такого положения другими державами.

После начала военных действий против Китая в 1937 г., правительство Маньчжоу Го издало указы по временному контролю внешней торговли и контролю капиталами. В ноябре 1940 г. было провозглашено «Генеральное решение японо-маньчжурско-китайской экономики», предусматривающее создание экономической зоны само обеспечения, охватывающей Японию, Маньчжоу Го и Северный Китай. Маньчжоу Го в этом мероприятии отводилась роль: 1) увеличения снабжения сырьем для тяжелой индустрии Японии; 2) развития легкой

промышленности для собственного обеспечения; 3) увеличения сельского хозяйства и создание базы для снабжения продовольствием.

После того, как внешнеэкономические связи с Европой оказались прерванными войной, японские власти сосредоточили свое внимание на расширение торговых связей Маньчжурии с азиатскими странами «сферы совместного процветания». Таким путем они пытались восполнить недостаток стратегического сырья для военно-промышленного строительства в регионе и продовольственных ресурсов. С началом войны на Тихом океане 22-го декабря была принята «Программа экстренной экономической политики». Программа предусматривала повышение эффективности контролируемой экономики, уменьшение притока товаров из Японии и увеличение производства и снабжения Японии сырьевыми материалами, чтобы тем самым способствовать ведению Японией войны.

Япония придавала особое значение созданию «экономического блока», куда вошли Япония, Маньчжоу Го и Китай. Основной целью стало заставить китайское правительство признать особое положение этого региона и добиться гармонии в отношениях между Японией, Маньчжоу Го и Северным Китаем. В марте 1941 г. на японо-маньчжуро-китайской экономической конференции в Синьцзине было подписано соглашение, по которому из оккупированных районов Центрального Китая в Маньчжоу Го должны были поставляться хлопок, пшеница, табак, а из Маньчжоу Го в эти районы – соевые бобы, продукты их переработки и лесоматериалы¹⁶.

Довольно тесные внешнеэкономические связи установились между Маньчжоу Го и Кореей, что должно было служить целям «оказания содействия Японии в военное время». Вопросы регулирования внешней торговли между двумя странами, фактически являвшимися японскими колониями, решало созданное по инициативе японцев Маньчжуро-корейское бюро по экономическому сотрудничеству. Корея поставляла в Маньчжоу Го карбид, цемент, антрацит, машины и оборудование для легкой промышленности, а Маньчжоу Го отправляло в Корею зерно и лесоматериалы.

Среди «культурно-просветительских организаций», содействующих укреплению прояпонского режима, было Общество культурных связей Японии и Маньчжоу Го, которое занималось активной пропагандой «сотрудничества» с Японией, особенно в области культуры. Деятельность этих и подобных организаций направлялась японским посольством и японскими военными миссиями в Маньчжоу Го. Распространением японских взглядов в странах Азии с помощью кино, литературы, радио и других средств занималось и министерство иностранных дел Японии через собственные органы пропаганды, в частности через бюро по вопросам культуры. В 1941-1945 гг. в Маньчжоу Го действовали более 20 радиостанций. Наиболее влиятельная из них находилась в ведении Министерства по делам Великой Восточной Азии. Она вела передачи (на японском, английском, русском и китайском языках) на СССР, МНР и США, а также на страны «сферы сопроцветания».

В 1943-1945 гг. в основу пропагандистской деятельности среди населения Маньчжурии и других оккупированных Японией стран были положены

¹⁶ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. – С. 234.

принципы «Декларации Великой Восточной Азии», принятой 9 ноября 1943 г. на конференции глав правительств Японии и марионеточных режимов Китая, Маньчжоу Го, Филиппин и Бирмы. Делегацию Маньчжоу Го возглавлял премьер-министр Чжан Цзинхуэй. На конференции, проходившей под эгидой Японии, с речью выступил ее премьер-министр Тодзио, который призвал к мобилизации всех сил для продолжения войны. Правительство Пу И подтвердило стремление продолжать войну до «победного конца в тесном союзе с Японией».

Окончание войны предопределило судьбу Маньчжоу Го и стран «сферы совместного процветания». Капитуляция Японии привела к ликвидации созданного ею режима, который на протяжении тринадцати лет неуклонно следовал политике «страны-родителя».

Отношения Маньчжоу Го с Западной Европой и США в основном строились на торгово-экономической основе.

Оккупация Японией Маньчжурии в 1931 г., создание Маньчжоу Го и проводимая США политика «непризнания» этого государства значительно ущемляли американские интересы в регионе. В декабре 1931 г. во время беседы с крупным предпринимателем Ямамото Дзетаро министр армии Араки Садао заявил о намерениях армии «исключить монопольные прибыли капиталистов» из Маньчжурии и потребовать, чтобы доходы инвестировались в развитие региона. В марте 1933 г. правительство Маньчжоу Го издало «Программу экономического строительства», в которой говорилось, что «национальный контроль» будет «распространен на экономическую деятельность» для защиты «интересов японского населения в целом» и предотвращения монополизации экономического развития¹⁷.

В 1936 г. создание самодостаточной военной индустрии в Маньчжурии виделось в развитии тяжелых отраслей промышленности, основанном на плановой экономической программе. Однако первый пятилетний план 1937-1941 г. не предусматривал развитие такой отрасли, как станкостроение, необходимое для развития других отраслей промышленности. Таким образом, производство в значительной степени зависело от импорта станков, а также опытных технологий из стран Европы и Соединенных Штатов.

Американские поставки и финансирование промышленности Маньчжоу Го осуществлялись в основном через «Маньчжурскую компанию тяжелой промышленности» («Манге»), президентом которой стал Г. Айюкава, один из видных представителей молодых «концернов», тесно связанный с военными кругами Японии. Став преемником «Мантэцу» в деле развития тяжелой промышленности Маньчжурии, концерн «Манге» установил свою монополию в угольной и металлургической промышленности, монополизировал производство автомобилей и самолетов, сосредоточил в своих руках выплавку цветных металлов. «Манге», не обладая необходимым капиталом для развития экономики Маньчжоу Го, нуждался в импорте промышленного и транспортного оборудования, рассчитывая получить кредит на закупку промышленного транспортного оборудования в США и Германии.

---

¹⁷ Young L. Japan's Total Empire: Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism. – Berkeley, Los Angeles, London, 2000. – P. 197.

Интерес американских фирм в экономическом сотрудничестве с Японией и Маньчжоу Го начинает спадать в 1939 г., не только потому что начало второй мировой войны ознаменовало восстановление американской экономики благодаря увеличению объема экспорта в Европу, но также потому, что Конгресс решил расторгнуть японо-американское торговое соглашение.

В 1936 г. Германия направила экономическую миссию с целью изучения возможностей увеличения торгового оборота с Дальним Востоком. До оккупации Маньчжурии доля германского экспорта составляла 33 %, но в последние гг. она неуклонно снижалась. Причиной этому было установление политического контроля со стороны Японии и присутствие большого количества японских советников в правительственных структурах Маньчжоу Го, которые стремились к распределению заказов среди японских поставщиков. Германия, с одной стороны, нуждалась в импорте соевых бобов, которые использовались в качестве удобрения в сельском хозяйстве, а также шли на производство соевого масла.

30 апреля 1936 г. в посольстве Маньчжоу Го в Токио было заключено финансово-экономическое соглашение, по которому Германия покупала соевые бобы (75% шло в кредит и 25% оплачивалось наличными). Кредит должен был быть использован на покупку Маньчжоу Го германских товаров. Это соглашение фактически означало признание Маньчжоу Го Германией. Официальное признание последовало в феврале 1938 г. По мнению германского посла в Токио Дирксена, признание Маньчжоу Го представило бы возможность для развития «широких политико-экономических связей с Японией»¹⁸.

В начале июля 1938 г. японский военный атташе в Берлине Осима предложил германскому правительству заключить с Японией пакт, предусматривающий обязательство договаривающихся консультироваться друг с другом о мерах помощи в случае возникновения конфликта одной из них с СССР. Переговоры завершились подписанием «тройственного пакта» 27 сентября 1940 г. между Японией, Италией и Германией. Тогда же было подписано секретное соглашение, по которому Германия обязывалась оказывать Японии материальную помощь в установлении «нового порядка» в Восточной Азии. По этому соглашению обязательства Германии о помощи Японии распространялись и на Маньчжоу Го.

В июле 1938 г. было заключено торговое соглашение с Италией. Оно предусматривало экспорт в Италию соевых бобов и продуктов их переработки, масло периллы и других продуктов сельского хозяйства. Из Италии предполагалось ввозить железнодорожное оборудование, автомобили, электротехнические товары, станки и приборы, необходимые для военного производства и военных целей.

С середины 1939 г. правительство Маньчжоу Го стало осуществлять еще более жесткий контроль над внешней торговлей путем расширения лицензионной системы и создания монопольных торговых организаций. С декабря 1939 г. вошло в силу постановление, которое устанавливало контроль правительства на импорт 54 видов товарной продукции, что дало возможность Японии ввозить главным образом военную продукцию.

---

¹⁸ Кутаков Л.Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. – М.: Международные отношения, 1964. – С. 117.

Главными целями японской внешней политики в начальный период войны на Тихом океане было обеспечить благоприятные условия для включения захваченных территорий в состав своей колониальной империи. Для этого предполагалось поддерживать союзные отношения с Германией и Италией и проводить активную политику в отношении азиатских народов. 20 января 1943 г. «тройственный пакт» был дополнен японо-германскими экономическими соглашениями. Но из-за расширения масштабов военных действий и в целом неблагоприятного их развития для стран оси сообщение между Японией и Германией было крайне затруднено.

В связи с капитуляцией Германии правительство Пу И опубликовало заявление, в котором, в частности говорилось: «Вследствие изменения международной обстановки правительство Маньчжоу Го считает пакт против Коминтерна утратившим силу. Заключенное 14 сентября пятого г. Кандэ торговое соглашение между Маньчжоу Го и Германией, которое пролонгировалось четырежды, также утратило силу». Вслед за заявлением правительства Судзуки от 9 мая 1945 г. по поводу капитуляции Германии на следующий день Чжан Цзинхуэй заявил, что «Маньчжоу Го и впредь будет прилагать все усилия для разгрома Соединенных штатов и Великобритании»¹⁹.

Как и весь политический курс Маньчжоу Го, внешняя политика всецело зависела от Японии, требовала "внутреннего руководства" Квантунской армии. Даже при желании принятия своего внешнеполитического курса, сделать этого не позволяла сама система. При реорганизации структуры административной власти, Департамент внешних сношений был понижен в ранге и преобразован в Бюро внешних сношений, находящегося в прямом подчинении премьер-министра. Хотя в 1942 г. Департамент внешних сношений и был восстановлен, структурно он не был расширен. На органы внешних сношений выделялось не более 1% расходной части госбюджета, в то время как на Департаменты безопасности и общих дел выделялось более половины бюджета страны. Таким образом, Япония сделала попытку создать государство со всеми атрибутами суверенного государства, положив в основу идею «неформального империализма», тем не менее, было абсолютно очевидно, что Маньчжоу Го не играло самостоятельной роли ни на международной арене, ни в своих внутренних делах, и неуклонно следовало политическому курсу метрополии.

---

¹⁹ Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. – С. 154.